

В. В. Марычев
(г. Ставрополь, Россия)

ПАРАДОКСЫ СОВРЕМЕННОГО САМОСОЗНАНИЯ

Вопреки ставшему уже общим местом утверждению о культурном хаосе, воцарившемся в нашей стране, вопреки декларируемой растерянности перед утратой прочности бытия, жизнь идет своим чередом. Самые, казалось, экстраординарные события – политические потрясения, военные конфликты, ежедневные маленькие трагедии на улицах наших городов, – втягиваясь в привычный жизненный поток, становятся элементами структуры повседневности.

Можно усмотреть в этой удивительной устойчивости то, что до недавнего времени принято было называть «личной жизнью», в приоритетности ценностей эмпирического бытия – первые симптомы возвращения человека к самому себе. Отказ от гармонически совершенной личности как высшей цели-ценности человеческой жизни, возведение на пьедестал интересов, желаний обычного человека – достижения материального достатка, прочности семейного быта, – может быть, это и есть первые робкие попытки говорить от собственного имени, от первого лица, а не от безликого «Мы»? Действительно, всякое желание охранить себя, свою индивидуальность от внешних посягательств – будь-то коллектив, государство, воля другого человека – сопровождается обострением «чувства „Я”», обострением самосознания. Но способы внутреннего обустройства личности могут быть различными.

В недавний период относительно спокойного течения жизни, встроенности человека в устойчивые социальные структуры, процесс осознания себя, своей уникальности требовал разрушения привычного хода событий, ломки устоявшихся жизненных структур, сопровождающихся осознанием разрыва между уникальностью как бытием личности и небытием как пребыванием в общем. Разрыв с общим мог происходить по-разному: либо это демонстративное размежевание общественной и личной жизни, либо более радикальный путь культуры андеграунда, которая распространялась не только на образ мысли, но и на весь образ жизни. Но в любом случае отстаивание своего «Я» сопровождалось разрушением повседневного хода жизни, пропитанного общим, безликим, небытием – общими лозунгами, ритуальными формами поведения, духовными штампами. Истинная жизнь, жизнь обывателя противопоставлялись друг другу. Философия экзистенциалистской ориентации была духовным ориентиром на этом пути осознания себя.

Сегодня же происходит скорее обратный процесс. Именно наша повседневная жизнь, из которой безвозвратно, кажется, исчезают надоевшие за столько лет указатели, права и обязанности, общие слова, становится гарантом нашей индивидуальности. Если раньше бытие общественное и личное тесно переплетались в жизни отдельного человека, и нужно было усилие, чтобы развести их, отделить друг от друга, то теперь повседневность меняет свою структуру, поворачивается к нам другой стороной. Качество коллективности все менее характеризует жизнь, поведение человека становится более вариативным, непредсказуемым, ему уже не надо «казаться» в процессе общения, на работе, на митинге, он волен самостоятельно выбирать собственную поведенческую нишу, образ жизни и образ мыслей.

Но наши будни не только поднимают обычные житейские радости до уровня личностных ценностей, они также низводят трагическое, ужасное, возвышенное до уровня обыденного. Мы начинаем привыкать к тому, к чему привыкнуть нельзя. Убийства, насилие, открытые проявления национализма, нищета, откровенная порнография уже далеко не всегда ужасают, удивляют, шокируют. Житейская мудрость низводит признаки социального хаоса до уровня простых обстоятельств личного бытия, а иногда – и проявлений этого бытия.

Отстаивание своего «Я», укрепление границ личного бытия приобретает цену забвения небытия. Но не ведет ли такое снижение трагического пафоса жизни к разрушению личности? Ведь осознание собственной уникальности неотделимо от осознания неповторимости каждого акта жизненной драмы. Безоговорочно принимая условия игры, навязанные нам жизнью, рассматривая все происходящее с нами и другими людьми как нечто обычное, нестрашное, мы невольно опять приписываем себя к общему, опять впускаем небытие в нашу жизнь. Погружение в повседневность оказывается не очень надежной опорой личностного самоутверждения. Лишенная привычных «стрелок и надписей», ценностных ориентиров повседневная жизнь требует от самого человека внесения в нее устойчивости. Простая формула самосознания, не искусственного в жизнестворчестве, «Я есть Я» может сослужить нам плохую службу. Начиная с утверждения своей уникальности («Я – нечто иное, чем другие»), такой способ осознания себя, постепенно расширяя, обживая мир, делая его более понятным, предполагает следующий шаг – «другие не лучше меня, их жизнь похожа на мою»; затем – «а может, это моя жизнь похожа на их?».

Человек опять погружается в общее, но выраженное не в понятиях, лозунгах, законах, а в общее типичных ситуаций, повторяющихся событий, сходных характеров. Срастание человека с новой повседневностью не происходит стихийно, как это может показаться. Культивируя миф человека, получившего наконец-то возможность проявить свою самость в пространстве свободы, средства массовой информации тут же предлагают нам крючок, на который удобно и так естественно повесить эту свободу. Беря на себя функцию самосознания современного человека, средства массовой информации рисуют

портрет нашей души, взглянув на который, как в зеркало, можно понять, что нужно человеку. Однако портрет этот сильно противоречив.

Газеты, журналы, ТВ создают образ россиянина, который любит сильную руку, и одновременно – приверженец демократических вольностей; он собственник, его душа срослась с православной верой, и одновременно он близко к сердцу принимает астрологические прогнозы, предсказания провидцев, не чужд интерес к черной и белой магии; он традиционалист в глубине души, но весьма раскован в словах и делах. Казалось бы, нежизнеспособность этого образа очевидна. Подобно тому, как интересы одной социальной группы не так давно выдавались за общенародный интерес, так и в данном случае разнообразные потребности различных социальных групп одеваются в одежды глубинных потребностей вечного человека.

Но парадокс духовной ситуации нашего времени заключается в том, что этот противоречивый образ имеет определенные шансы быть принятым массовым сознанием. Сплошь и рядом сознание человека как бы проходит мимо очевидных противоречий, не замечает их. Современная мозаичная культура, где функционируют ценности, нормы, идеалы различной направленности, может стать основой мозаичной личности, лишенной цельности, способности к поступку, самостоятельному выбору. Как же совмещаются в нашем сознании столь разнонаправленные ориентации, каковы скрытые приемы сборки деталей, принадлежащих различным механизмам?

Никто не станет отрицать, что удовлетворение первичных, витальных потребностей (в пище, отдыхе, сне, телесном комфорте и др.) – необходимый элемент человеческой жизнедеятельности. Удовлетворение этих потребностей, несмотря на все достижения человеческой культуры, сталкивается порой с непреодолимыми трудностями. Для человека, живущего в постперестроечный период, это положение не нуждается в доказательствах – их нам дает сама жизнь.

Попробуем мысленно очистить мир современного человека от иных, более сложных потребностей, духовных исканий, идеалов. Горизонт бытия такого индивида сужается до стремления получать удовольствие и избегать страданий. Его не интересуют ни звездное небо, ни душа другого человека, ни собственная душа. Окружающее интересно постольку, поскольку оно способствует удовлетворению потребностей или препятствует этому. «Я» оказывается естественным центром такого мира, объективный мир не обладает для «Я» какой-то определенной структурой; он может быть текуч, изменчив, если эта изменчивость – условие получения удовольствия; может быть неизменен, если именно неизменность оказывается предпосылкой удовлетворения витальных потребностей. Другими словами, такой человек не живет в мире, развивающемся по общим законам, в нем нет случайного и необходимого, частей и целого, формы и содержания. Его мир ситуативен, это мир конкретных ситуаций. В таком мире нет ощущения времени: прошлое уже не существует, ибо потребность может быть удовлетворена только в настоящем; будущее еще не существует, так как

ожидания, мечты, проекты находятся за пределами мира витального человека; удовлетворение потребностей сиюминутно. Но сиюминутность не есть настоящее, она не обрамлена прошлым и будущим, настоящее поэтому не распознаваемо в жизненном потоке.

Можно сказать, что в этом мире человек уподобляется ребенку, с удовольствием слушающему одну и ту же сказку несчетное число раз. Это мир бесконечного повторения, мир безвременья. Однако в реальности человек никогда не признается себе в том, что он живет в таком мире. Доминирующее витальное начало камуфлируется, подделывается под иные, социально признанные типы потребностей. Легкость таких переодеваний обусловлена тем, что витальному началу жизненного мира безразличны одежды, в которые оно переодевается. Тяга к постоянству удовлетворения потребностей может осознаваться как идеализация прошлого или как тяготение к устойчивым социальным структурам, к традиционному укладу жизни, как политический консерватизм. Но это лишь квазивремя и квазипространство, это лишь символы стремления к постоянству реализации своего основного жизненного отношения. Мир как бы втягивается в человека, который не дает ему предстать в независимом обличье. Именно потому, что человек желающий принципиально нерефлексивен (оборачивание взгляда внутрь прерывает хотение), он предстает в слитности с тем миром, в котором живет в настоящий момент.

Если основная цель – удовлетворение желания, то каким образом осмысливается ее достижение, как представлена связь человека с миром, в котором заключен объект его желаний? Своеобразие мира гедониста в том, что желание должно удовлетворяться мгновенно, между субъектом и объектом не должно быть свободного промежутка, зазора. Наличие такого промежутка, т. е. отодвигание, отдаление удовлетворения потребности, ожидание уже рассматриваются как нечто, противоположное удовольствию. Человек мира непосредственной жизненности не строит планов, не мечтает, не надеется. Это уже деятельность из другого мира.

Конечно, в реальных ситуациях мы всегда достигаем желаемого не мгновенно, как минимум надо открыть рот, чтобы положить туда пищу. Но средства в сознании гедониста как бы редуцируются, не воспринимаются в качестве элемента жизненного мира. Поэтому любые средства в таком мире оправданы. Жизненный путь рассыпается на множество не связанных между собой эпизодов, в этом смысле одинаково «судьбоносных». Судьба как замысел человека о самом себе, как цельность «Я» во времени не находит места в таком образом устроенном мире.

Кредо человека непосредственной жизненности, стержень его мира – это бесконечно длящееся мгновенье. Но включение этого непосредственного жизненного отношения в иные духовные структуры не может не наложить на него свой отпечаток. Обреченный на вечное повторение, витальный человек начинает искать избавления от этого ада повседневности, ада бесконечного

повторения, начинает искать свою судьбу в других мирах, пытается воплотить свой мир в несвойственных ему материалах культур – и обретает там смерть.

Вряд ли кто-либо согласится безоговорочно отнести к себе столь непривлекательные характеристики витального человека. Существуют различные способы придать свое «Я» в одежды философских категорий, нравственных принципов, эстетического мировосприятия. Один из таких способов respectable самообмана – принятие дедуктивистской модели построения своего внутреннего мира, своего рода авторитаризм в деятельности самосознания. Для него характерно стремление сохранить абсолютный приоритет теоретического слоя мировоззрения, философский приоритет в условиях постоянного корректирования общих принципов. Это становится возможным, только если признать за истинное «Я» философско-теоретический уровень мировоззрения, а свое противоречащее ему, неистинное поведение отнести за счет давления обстоятельств, корректирующего воздействия внешнего мира.

В дедуктивистской модели оживает старый принцип непосредственности познания собственного «Я», оказавшийся неожиданным подспорьем в деле оправдания конформизма. Давление внешнего мира на личность рассматривается как ценностно не осмысленное, как внешняя необходимость, не учтенная нашим «Я». Теоретический аспект мировоззрения, в который не может уместиться все богатство реальности, сжимается до простого набора человеческих качеств. Субъектно-объектное отношение как предмет самосознания редуцируется до образа неподвижного «Я», владеющего научным мировоззрением. Мировоззрение тем самым оказывается не процессом, не живой жизнью самосознания, а неким атрибутивным свойством личности. Редуцируя все богатство духовной жизни к всеобщему, мы попадаем в иллюзорный мир. Иллюзия – это не только мир якобы реализованных желаний и воплощенных надежд, это может быть и мир абстрактных принципов и теоретических схем, уютный и обжитой мир, намертво замыкающий в себе своего творца.

Возможен и иной вариант осознания структуры собственного мироотношения, когда общие принципы как бы дают единственно возможную в данный момент оценку конкретного поступка, что создает иллюзию полного единства знания и убеждения, теории и действия. Однако ситуация меняется, и у того же поступка, явления возникает совершенно иная интерпретация, часто противоречащая первой, но также крепко спаянная с общим ядром личности. Как согласовать столь различные оценки одного в того же явления в индивидуальном сознании?

Индивид отказывается сопоставлять свое поведение в двух противоречивых ситуациях со своими воззрениями, он как бы живет в разных мирах, не меняя своей сущности. Поэтому и логика его поступков не нуждается в дополнительном обосновании – «не я изменился, но мир стал иным». То есть различная интерпретация одного и того же явления расценивается как интерпретация совершенно разных явлений, распадаются универсальные

мировые связи. Витальный человек, даже приписывающий себя к общим ценностям, идеалам, законам, выносит это общее за пределы реальности. Так возникает еще одна форма иллюзорного сознания, ситуационная, находящая выражение не просто в противопоставлении образа «Я», идентифицированного с теоретико-философским слоем мироотношения, эмпирическому миру, а в создании образа неизменного «Я», но живущего в разных мирах.

Совмещение в сознании человека различных ситуаций, различных миров оказывается крайне сложным делом, оно требует, по крайней мере, определенного временного интервала. Следовательно, не каждый из нас обладает столь завидными качествами. К каким бы ухищрениям не прибегало сознание витального человека, оно не в силах связать рвущиеся нити распадающейся ткани реальности. Привычная апелляция к неизменности нашего «Я» становится недействительной, когда противоречивые ситуации меняются с калейдоскопической скоростью, и уже невозможно не замечать очевидную противоречивость своего поведения. На отрицательную культурную и личностную направленность такого мироощущения обратил внимание еще П. Флоренский, назвавший его «иллюзионизмом»: «Когда нет ощущения мировой реальности, тогда распадается и единство вселенского сознания, а затем и единство самосознающей личности. Точка – мгновение, будучи ничем, притягивает стать всем, а вместо закона свободы воцаряется каприз рока» [1, с. 123].

Одним из способов остановить процесс размывания контуров «Я» и своего мира является открытая мифологизация жизненного мира. Миф вбирает в себя ситуационную модель самосознания («мифологическое оборотничество»), но придает ей вселенский масштаб. Для мифологического восприятия мира характерно не создание непротиворечивой картины мироздания, а ощущение непосредственности соприкосновения вещей и человеческого сознания. Специальным механизмом мифологического сознания выступает инверсия, «оборотничество». Для инверсионной логики характерно моментальное поворачивание к нам явления то одним, то другим полюсом.

Сознание человека повседневности, погруженное в миф, казалось бы, – необходимая основа для идеологических манипуляций. Но здесь мы сталкиваемся еще с одним парадоксом. С одной стороны, идеология, направленная на консервацию общественных отношений, заинтересована в человеке, погруженном в стихию меняющихся ситуаций повседневности, она придаст миру призрачную устойчивость, и это роднит ее с мифом. Однако, будучи рационализированной формой сознания, идеология вынуждена избавиться от притягательной и многообещающей неопределенности мифа, она должна организовать не только сознание, но и деятельность людей. Вот эта целеориентированность идеологии и ведет к разрушению ее связей с мифом, с его вечной борьбой добра и зла. Так повседневность и рождает мифологическое сознание, служащее питательной средой для принятия идеологических схем, и одновременно демифологизирует

идеологию, когда та выходит за пределы жизненных ситуаций и пытается совместить мир непосредственной жизненности с миром упорной работы.

Остается научиться жить с противоречиями. Идиллическое сосуществование человека повседневности и идеологии закончилось с концом нормального этапа нашей истории. Экстраординарный путь развития социума вносит коррективы и в вашу жизнь. Мир новой повседневности неустойчив. Защитные механизмы, камуфлирующие витального человека, его духовные переживания – уже ненадежная опора для расшатавшихся основ частной жизни. Последнее героическое усилие, которое человек может сделать в попытке сохранить себя, свою самость от надвигающегося хаоса – сказать «нет» этому миру, любую жизненную ситуацию рассматривать как не свою, отделить себя от столь желанных когда-то и столь пугающих и недоступных теперь соблазнов этого мира. Такой своеобразный стоицизм находит выражение в ироническом сознании.

Ирония демонстрирует предельные возможности повседневного в понимании индивидом самого себя, она находится на границе между обыденным и творческим мышлением, носит двойственный характер. Т. Манн называл иронию, оговорку великим «пафосом середины». «Прекрасна решимость, – писал он, – но плодотворна одна оговорка <...>. Мы любим ее в области духа, где она выступает в обличьи иронии, направленной в обе стороны, когда, лукавая баловница <...> она резвится между контрастами и не спешит встать да чью-либо сторону и принять решение: ибо она полна предчувствия, что в больших вопросах, где речь идет о человеке, любое решение может оказаться преждевременным и несостоятельным» [2, с. 603]. Пока ирония резвится между противоположностями, мы с ее помощью можем попеременно принимать то одну, то другую точку зрения, за, казалось, устоявшимися принципами видеть их противоположность, их отрицание. Но ирония именно перепрыгивает с одной точки зрения на другую: она не ищет мостов между ними. В своем стремлении к сохранению универсальности человеческих проявлений, в стремлении все понять она рискует утратить нравственные принципы, все простить. Каждое чувство ироника – неполно, каждая мысль лишь точка зрения.

Ирония с отечественным лицом часто оказывается иронией увязок, подобных защитному поясу частных гипотез, пытающихся сохранить жесткое ядро жизненной программы под напором действительности. Нашему ироннику часто хочется сохранить и свой неправедный источник дохода, и свою веру в высокие нравственные принципы. Ирония оказывается средством примирения с существующим положением вещей, поскольку не требует столкновения позиций. Ироник любую ситуацию рассматривает как не свою, он видит противоречия жизни, но не пытается их разрешить. Ироник смеется над миром, но не над собой – он вне игры. Вот слова Гегеля о мироощущении ироника: «Не дело превосходно, а я превосхожден, я являюсь господином закона и предмета и лишь

играю ими, как своим капризом, и в этом ироническом сознании, в котором я даю погибнуть самому высокому, я лишь наслаждаюсь собою» [3, с. 172–173].

Ирония может выполнять функцию самосохранения: пусть мир гибнет, я – остаюсь! Но ироническое мироощущение порой доходит до пределов возможного, решая погибнуть вместе с этим миром, заставляя человека заглянуть в ничто, сознательно погружая его в пустоту, разрушая до основания уже прогнившие скрепы культуры. Приобрести опыт духовного сиротства, обжить ничто, окончательно «разучиться танцевать» необходимо, чтобы научиться «танцевать божественно», говорят живущие в «пространстве андеграунда» [см.: 4]. Духовная атмосфера андеграунда – это попытка с помощью иронии возродить творческое начало личности. Это то пребывание «между», пребывание в мифе и одновременно вне мифа, которое говорит о возможности интеграции различных жизненных миров.

Таким образом, мир новой повседневности неустойчив, он не обрел еще жестких контуров. В нем есть место и для творческой иронии, и для новых форм идеологического диктата. Любая культурная ситуация дана вместе со своим осознанием. Поэтому теоретическая работа философа становится ныне его культурной миссией.

Литература

1. *Флоренский П. А.* Из неоконченного труда «У водоразделов мысли» // Эстетические ценности в системе культуры. – М.: Изд-во АН СССР, 1986.
2. *Мани Т.* Собр. соч.: в 10 томах. – М.: Художественная литература, 1960. – Т. 10.
3. *Гегель Г. В. Ф.* Сочинения. – М.–Л.: Соцгиз, 1934. – Т. 7.
4. *Бастиян Ифраим.* Как живут в пространстве Андеграунда? // Клюква. –1992. – № 1. –С. 77–92.

